

Владимир Михайлович Лавровский

ЭКСПРОПРИАЦИЯ АНГЛИЙСКОГО КРЕСТЬЯНСТВА в XVIII в.

ИЗ ИСТОРИИ ОБЩЕСТВЕННЫХ ДВИЖЕНИИ
И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИИ
Сборник статей в память академика
Евгения Викторовича ТАРЛЕ
М.: изд-во Академии наук СССР. 1957. С.72-86

Веб-публикация: *Vive Liberta*, 2011
Ссылки на тематические материалы даны нами после статьи

Экспроприация непосредственных сельскохозяйственных производителей составляет, как известно, основу процесса так называемого первоначального накопления в Англии XVI—XVIII вв.

В период массовых парламентских огораживаний (1793—1815), с которым отчасти совпадает (1806—1813) и период континентальной блокады¹, происходит радикальная экспроприация подавляющего большинства сельского населения, завершается обезземеление крестьянства в Англии.

В ликвидации еще весьма многочисленных в это время остатков общинных полей, выгонов и мелкокрестьянского хозяйства, местами сохранившегося в условиях common field system, в замене крестьянского хозяйства капиталистическим фермерским хозяйством английские агрономы и экономисты XVIII — начала XIX в. видели существеннейшее условие развития сельскохозяйственного производства и увеличения количества производимого в стране товарного хлеба. Это было весьма важно в связи с недостатком и дороговизной пшеницы и затруднениями ввоза, обусловленными войной и континентальной блокадой.

Разработку вопроса об обезземелении английского крестьянства и о завершении этого процесса в период 1793—1815 гг. — разработку, начатую тридцать лет тому назад², автор продолжал на материале новых источников — ренталей и описей XVII в., приговоров об огораживании конца XVIII — начала XIX в.

Ознакомить с некоторыми предварительными результатами статистической обработки документов манориальной истории 30—80-х годов XVII в. и приговоров парламентского огораживания конца XVIII — начала XIX в. и является целью настоящей работы. Она же лежала в основе нашего доклада об экспроприации английского крестьянства в XVIII в. на состоявшейся в апреле 1955 г. в Ноттингеме ежегодной конференции

¹ По этому вопросу см. Е. В. Тарле. Континентальная блокада. Исследования по истории промышленности и внешней торговли Франции в эпоху Наполеона. М., 1913, 695 стр., 44 стр. приложения. D. G. Vaghes. A history of the english corn laws from 1660—1846. London, 1930; В. М. Лавровский. Парламентские огораживания общинных земель в Англии конца XVIII — начала XIX в., 1940. См. рец. Ch. Hill'a на эту работу: «The Economic History Review», 1942, vol. XII, p. 92—95, а также статью акад. Е. В. Тарле «Новая история в работах советских историков». Сб. «Двадцать пять лет исторической науки в СССР», 1942, стр. 242.

² В. М. Лавровский. Проблема исчезновения крестьянства в Англии В сборнике памяти Александра Николаевича Савина «Тр. Ин-та истории РАНИОН», вып. I, 1926; его же Парламентские огораживания. .

Общества экономической истории (Economic History Society)³, посвященной, в основном, проблемам земельной собственности (general topics of Landownership).

Каковы особенности подхода к этой теме советских историков?

Основная проблема, интересующая нас в этой связи, — это развитие и смена различных форм земельной собственности: общинного землевладения, феодальной собственности на землю, возникающей из разложения феодальной собственности, как констатирует Маркс (Капитал, т. III, стр. 819), мелкой (парцеллярной) собственности крестьян, ведущих самостоятельное хозяйство; наконец, крупной (буржуазной) собственности — земельной монополии крупных землевладельцев, приведшей к замене крестьянского хозяйства формой капиталистического способа производства — хозяйством фермеров-арендаторов (leaseholders), эксплуатирующих труд наемных сельскохозяйственных рабочих. Их труд является источником капиталистической ренты, уплачиваемой фермерами землевладельцам-лендлордам. Смену различных форм земельной собственности советские историки-аграрники связывают со сменой различных форм феодальной ренты, с переходом от натуральной ренты к денежной форме феодальной ренты, с ее дальнейшим развитием и превращением в ренту капиталистическую. В частности, общие размеры и процент крестьянского землевладения, степень его распространенности и сохранения в условиях превращения феодальной денежной ренты в ренту капиталистическую, с нашей точки зрения, является функцией и результатом развития рентных отношений и капиталистической аренды в Англии XVI—XVIII вв.: «удельный вес» крестьянского землевладения обратно пропорционален удельному весу «улучшенных» (improved) рент и ренты капиталистической в общей сумме доходов крупных землевладельцев — лордов маноров, превращающихся в лендлордов нового типа. Конечно, успешность внедрения улучшенной и капиталистической ренты в держательские отношения следует изучать в тесной связи с географическими особенностями отдельных районов, с конкретно-историческими условиями места и времени, в связи с общеэкономическими факторами, кривыми цен на сельскохозяйственные и иные продукты и т. д.

Итак, что же в первую очередь интересует советских историков, изучающих историю английского крестьянства в XVI—XVIII вв.? Основная проблема, интересующая нас, заключается в выяснении тех новых социальных закономерностей, которые обнаруживают свое действие в английской деревне в эпоху так называемого «первоначального накопления» (в понимании этого важного термина Марксом⁴) в связи с

³ При прочтении и обсуждении доклада присутствовало 53 английских историка, участвовавших на конференции, из них трое — Тони, Постэн и Чемберс сообщили автору свои весьма интересные замечания по докладу.

⁴ К. Маркс. Капитал, т. I, стр. 718—721. Маркс, как известно, употребляет этот термин полемически, направляя его против «previous accumulation» А. Смита и его «идиллического» понимания методов первоначального накопления капитала, основанных на «бережливости» (parsimony).

Разоблачая пуританскую легенду, усвоенную идеологом английской промышленной буржуазии середины XVIII в., Маркс видел основу процесса так называемого первоначального накопления в экспроприации непосредственных производителей, в обезземелении крестьянства. При этом Маркс подчеркивает, что этот процесс в различных странах имеет различную окраску, что экспроприация непосредственных производителей проходит различные фазы в различном порядке и в различные исторические эпохи. В классической форме этот процесс происходил только в Англии, которая поэтому и берется в качестве примера и главной иллюстрации теоретических положений Маркса: именно на примере Англии, развития английского йоменри и его последующей гибели в условиях перехода к капиталистическому способу производства в сельском хозяйстве Марксом были открыты и сформулированы законы развития капитализма в земледелии.

зарождением капиталистических отношений, характерных для новой общественной формации. Эти новые закономерности обнаруживают свое действие именно в указанные столетия — XVI—XVIII вв.— и находят свое классическое выражение в радикальной экспроприации английского йоменри в XVIII в. Проявление этих новых закономерностей следует искать не на путях борьбы за феодальную ренту, а на путях перехода к ренте капиталистической. И именно это в корне меняет всю проблему земельной собственности в указанный выше период, так как речь идет уже не столько об эволюции феодальной собственности на землю (хотя элементы такой эволюции и присутствуют еще не только в XVII, но и в XVIII в.), сколько о рождении новой формы земельной собственности, приспособленной к условиям капиталистического производства. Конкретно исторически этот процесс, в абстрактной форме являющийся предметом изучения теоретической экономики, проявляется в д и ф ф е р е н ц и а ц и и и о б е з з е м е л е н и и английского крестьянства в столетие, следующее за буржуазной революцией XVII в. И здесь необходимо прежде всего поставить проблему самой буржуазной революции XVII в.— роли в ней крестьянства и ее значения для последующей судьбы английского крестьянства. Эту проблему и ряд связанных с ней вопросов пока приходится скорее ставить, чем окончательно разрешать. Что представляло собой английское крестьянство накануне революции? Какова была степень его дифференциации? Каковы количественные показатели этого процесса и как далеко он уже зашел к 40-м годам XVII в.? Каково было непосредственное влияние буржуазной революции на английское йоменри? Улучшилось ли или ухудшилось его положение? Какие изменения произошли в соотношении, в сравнительном значении и удельном весе различных групп английского крестьянства? Каковы были окончательные результаты буржуазной революции XVII в. для последующей судьбы английского крестьянства? Какова была роль так называемой «славной революции» — переворота 1688—1689 гг. и земельных узурпаций последнего десятилетия XVII в., несомненно, весьма способствовавших росту земельной монополии в Англии? Не случайно ряд исследователей — Johnson⁵, Gray⁶, Davies⁷, — изучавших списки плательщиков земельного налога, манориальные описи XVII в. и приговоры парламентского огораживания XVIII в., приходят к выводу, что наиболее критическим периодом для английского йоменри был период с конца XVII в. до 80-х годов XVIII в., т. е. столетие, следовавшее за буржуазной революцией XVII в. и предшествовавшее особенно бурному развитию, подъему максимальной волны парламентских огораживаний, которая приходится, как удалось показать, пересчитав данные Слэтеровской статистики огораживаний, на два с лишком десятилетия войн Англии с революционной и наполеоновской Францией⁸. Парламентские огораживания, особенно усилившиеся в конце XVIII — начале XIX в. (1793—1815 гг.), по-видимому, лишь завершают процесс радикального обезземеления английского крестьянства, отнюдь не являясь главной и основной

⁵ A. Johnson. The Disappearance of the Small Landowner, Oxford, 1909.

⁶ H. L. Gray. Yeoman farming in Oxfordshire from the XVI c. to XIX. «Quarterly Journal of Economics», 1910.

⁷ E. Davies. The Small Landowner, 1780—1832, in «The Light of the Land Tax Assessment». «The Economic History Review», January 1927.

⁸ В. М. Лавровский. Парламентские огораживания..., стр. 28—31 Пересчитав данные статистики огораживаний, приведенные в приложении к книге Слэтера (J. Slater. English peasantry and the Enclosure of Common Fields London, 1907), мы убедились в том, что на период 1793—1815 гг. приходится 48,5% всей площади, огороженной в силу актов парламентского огораживания за XVIII—XIX вв.

его причиной: английское крестьянство как класс исчезает ранее, чем усиливаются парламентские огораживания⁹.

В работе «Парламентские огораживания общинных земель в Англии конца XVIII — начала XIX в.» мы остановились лишь на заключительном моменте процесса обезземеления английского крестьянства, когда волна парламентских огораживаний по темпам движения и по охваченной им площади достигает своего апогея.

Но отсюда — и статичность данного исследования о парламентских огораживаниях, отсутствие в нем необходимой динамики, которая позволила бы охватить процесс обезземеления английского крестьянства в целом или хотя бы наметить его отдельные стадии. Сделать это можно путем ретроспективного анализа английской деревни за полтора-два столетия, предшествующие аграрной и промышленной революции XVIII — начала XIX в. Для этого необходимы иные (по сравнению с актами и приговорами парламентского огораживания) источники и применение иных приемов их обработки и исследования.

Собирая необходимые материалы для книги «Парламентские огораживания общинных земель в Англии конца XVIII — начала XIX в.», мы руководствовались приемами и принципами выборочно-статистического исследования¹⁰. Число изученных источников и охваченная ими площадь — примерно в 92 тыс. акров, оказались, по-видимому, «достаточными» для того, чтобы поставить вопрос о среднем проценте крестьянского землевладения, сохранившегося в приходах и манорах, подвергшихся парламентскому огораживанию в данном районе, в указанный период. Этот средний процент составлял 22,5%, варьируясь в различных приходах и манорах от 95,1% (Kirkley, Suffolk) до 0 (Swallow, Lincoln)¹¹.

Не предполагая повторять содержания работы «Парламентские огораживания», позволим себе сослаться лишь на одну таблицу по вопросу основной важности — дифференциации английского крестьянства (см. таблицу I)¹².

⁹ Необходимо искать другие причины, способствовавшие росту земельной монополии в Англии. В частности, весьма слабо изученными остаются результаты земельной политики Вильгельма III Оранского и последствия «glorious revolution» для английского крестьянства. Изучить результаты земельных узурпаций, имевших место в правление «буржуазного героя», — одна из очередных задач, стоящих перед аграрными историками Англии последнего десятилетия XVII и первой половины XVIII в.

¹⁰ Для района, охватывающего 25 графств — преимущественно средней и восточной Англии, были взяты наудачу (в соответствии с принципами выборочного исследования) 50 приговоров и 75 карт парламентского огораживания, относящиеся примерно к шести десяткам приходов и маноров, редкой сеткой покрывающих район, являвшийся предметом изучения, хронологические рамки исследования были ограничены 1793—1815 гг. Число изученных приговоров об огораживании и охваченная ими площадь составляет около 5% всех источников данного типа, имеющихся для указанных района и периода. Боули (Bowley, Elements of Statistics, 5th ed. London — New York, 1926, p. 274—275, 280), как известно, считал возможным ограничивать выборку 2% всех случаев — при условии сохранения «a priori equally likely occurrences».

¹¹ В. М. Лавровский, Парламентские огораживания..., стр. 116—117, табл. VI. В приложении к этой книге «Карты парламентского огораживания общинных земель» приходы и маноры разбиты на четыре группы: I — от 40 до 80% крестьянского землевладения, II — от 15 до 40%, III — от 10 до 15% и IV — менее 10% в зависимости от процента, сохранившегося до 1793—1815 гг. крестьянского землевладения.

¹² Ч Хилл (Dr. Ch Hill), отмечая «богатство тщательно обработанных статистических данных, на которых основаны сделанные выводы» («the wealth of carefully handled statistics with which... conclusions are supported»), совершенно справедливо указывает в своей рецензии, что в соответствии с русскими обычаями, установившимися со времени выхода в свет работы Ленина «Развитие капитализма в России» («in accordance with Russian customs since Lenin's «Development of Capitalism in Russia») автор делит крестьян на три категории: крупных крестьян (big peasants) (свыше 50 акр., в средн.

Таблица I

Дифференциация английского крестьянства по приговорам об огораживании
1793—1815 гг.

Размеры участков по группам	Собственники крестьян- ского типа			Группа йоменов			Держатели-арендаторы		
	процент собст- венников	процент зем- левладения	средние раз- меры земле- владения (в акрах)	процент собст- венников	процент зем- левладения	средние раз- меры земле- владения (в акрах)	процент дер- жателей	процент арен- дуемой пло- щади	средние раз- меры арендуе- мого участка (в акрах)
Более 50 акров	4,3	47,9	108,5	16,7	59,9	101,8	10,0	71,2	117,4
25—50 акров	4,5	16,9	36,8	16,7	21,6	36,7	5,5	12,6	37,9
Менее 25 акров	91,2	35,2	3,3	66,6	18,5	8,3	84,5	16,2	3,2
	100%	100%		100%	100%		100%	100%	

Картина дифференциации, «раскрестьянивания» (В. И. Ленин), английского крестьянства в 1793—1815 гг. получается, как видно из этой таблицы, весьма яркая. Крупные крестьяне, составляя всего 4,3% общего числа собственников крестьянского типа, владеют 47,9% общей площади крестьянского землевладения. Для средних крестьян эти цифры таковы: 4,5% общего числа крестьян-собственников, 16,9% общей площади крестьянского землевладения; для мелких—91,2% общего числа и 35,2% площади. Менее ярко выражена дифференциация группы йоменов (к ним отнесены те собственники крестьянского типа, которые в приговорах названы «уеотан»). Наиболее ярко выражена дифференциация в группе держателей-арендаторов, среди которых имеется до 10% фермеров капиталистического типа (по размерам арендуемой площади), встречаются и «средняки», но преобладают очень мелкие арендаторы крестьянского типа¹³.

В приговорах об огораживании имеется ряд данных о крестьянских промыслах и профессиях, дополняющих данные о размерах землевладения. Мелкие собственники крестьянского типа были нередко плотниками, сапожниками, кузнецами, мелкими торговцами; женщины, получившие наделы, нередко названы «spinsters» (может быть, это ткачихи, может быть, незамужние женщины). Однако эти данные о профессиях и промыслах держателей — отрывочны, они вносят лишь некоторое дополнение в характеристику группы мелких и беднейших собственников крестьянского типа. Нельзя делать на основании этих данных каких-либо обобщений.

Полностью признавая, что картина дифференциации крестьянства по приговорам об огораживании носит характер статический, автор поставил

108,5 акр), середняков (medium peasants) (25—50 акр., в среднем 36,8 акр.), мелких крестьян (small peasants) (менее 25 акр., в среднем 3,3 акр.). Обоснование деления на три указанные основные группы собственников крестьянского типа даны в главе VI «Крестьянское землевладение в огораживавшихся приходах». См. В. М. Лавровский. Парламентские огораживания..., стр. 84—113, 116—118.

¹³ В статье «Parliamentary enclosures in the county of Suffolk» (1794—1814) («The Economic History Review», May 1937, vol. VII, № 2) мы показали, что особенно ярко выступает дифференциация земельных собственников крестьянского типа и держателей-арендаторов, если учесть два аспекта этого процесса, иногда совпадающие: соединение в одном лице крупных крестьян и крупных фермеров-арендаторов, каковыми нередко оказываются одни и те же хозяева. Это наблюдение, сделанное на одиннадцати сэффокских приходах, имеет несомненно, более широкое значение.

перед собою в качестве задачи дальнейшего исследования — подобрать ряд документов манориальной истории XVII в. по всем тем приходам и манорам, которые он ранее изучил лишь по приговорам об огораживании XVIII — начала XIX в., т. е. в заключительный момент крестьянского обезземеления, нашедший отражение в приговорах парламентского огораживания. Исключительная ценность манориальных описей и ренталей XVII в. представляется несомненной. Ряд документов этого типа был найден и частично изучен покойным проф. А. Н. Савиным¹⁴.

Преждевременная смерть (А. Н. Савин скончался в Лондоне 29 января 1923 г.) помешала ему обработать эти источники. Эти источники и ряд других документов манориальной истории в настоящее время положены в основу подготавливаемого нами исследования — «Очерки по истории английского манора в эпоху так называемого первоначального накопления»¹⁵.

В отличие от книги «Парламентские огораживания в Англии конца XVII — начала XIX в.», основанной на применении приемов выборочно-статистического исследования при подборе положенных в основу ее материалов (приговоров и карт парламентского огораживания), подготавливаемая нами новая работа является попыткой монографически-статистического исследования, основанного на тщательном изучении и статистической обработке манориальных описей, ренталей и приговоров об огораживании пока всего лишь трех маноров (Brampton, Barton, Barrow), о которых идет речь в нашей статье.

Однако следует отметить, что процент крестьянского землевладения, сохранившегося в этих манорах к концу XVIII — началу XIX в. (Brampton, Hunts — 5,7%, Е. А. 1780; Baron upon Humber, Lincoln — 23,8%, Е. А. 1797; Barrow on Humber — 39,7%, Е. А. 1803), позволяет отнести эти маноры к трем различным группам маноров: с крестьянством, почти исчезнувшим к 1780 г. (Brampton), с процентом крестьянского землевладения, близким к среднему — 22,5% — по всем изученным нами 60 манорам (Barton — к 1797 г.)¹⁶ и с крестьянством, еще достаточно многочисленными с почти 40% крестьянского землевладения (Barrow — 1803 г.)¹⁷.

Таковы результаты земельных сдвигов в этих трех манорах, таков % крестьянского землевладения, сохранившегося в этих манорах к концу XVIII — началу XIX в. Об исходных моментах в развитии поземельных и рентных отношений в манорах Брамптон, Бартон и Барроу позволяют судить рентали и описи XVI—XVII вв. Статистический анализ этих источников позволяет установить закономерную зависимость между ходом развития ренты (от феодальной, «обычной», — через «улучшенную» — к

¹⁴ А. Н. Савин. История одного восточного манора. Сборник статей в честь М. К. Любавского. М., 1917; е го же. История двух маноров. «Журн. мин. нар. проsv.», 1916, апрель. А. Н. Савиным были найдены в Public Record Office рентали, описи и приговоры об огораживании маноров Brampton, Hunts, Barton and Barrow on Humber, Lincoln, а также ряд других источников этого типа.

¹⁵ См. Е. А. Косминский и В. М. Лавровский. Манор Брамптон в XI—XVIII вв. Сб. «Средние века», вып. II, 1946, В. М. Лавровский История поземельных отношений в маноре Барроу, Линконшир. «Изв. АН СССР», 1946, т. 3, № 3; рецензия: Ch. Hill. Professor Lavrowsky's study of a seventeenth century manor. «Economic History Review», vol. XVI, N 2, 1946; В. М. Лавровский. Распределение земельной собственности и формы земельной ренты в Англии XVI—XVIII вв. «Изв. АН СССР», 1948, т. V, № 2; В. М. Лавровский. К вопросу о дифференциации английского крестьянства в 30—80-х годах XVII в. Сб. «Средние века», вып. VIII, 1956.

¹⁶ См. В. М. Лавровский. Парламентские огораживания..., стр. 77—79, табл. IV.

¹⁷ См. там же, приложение, стр. 3. Карты парламентского огораживания общинных земель в Англии конца XVIII— начала XIX в

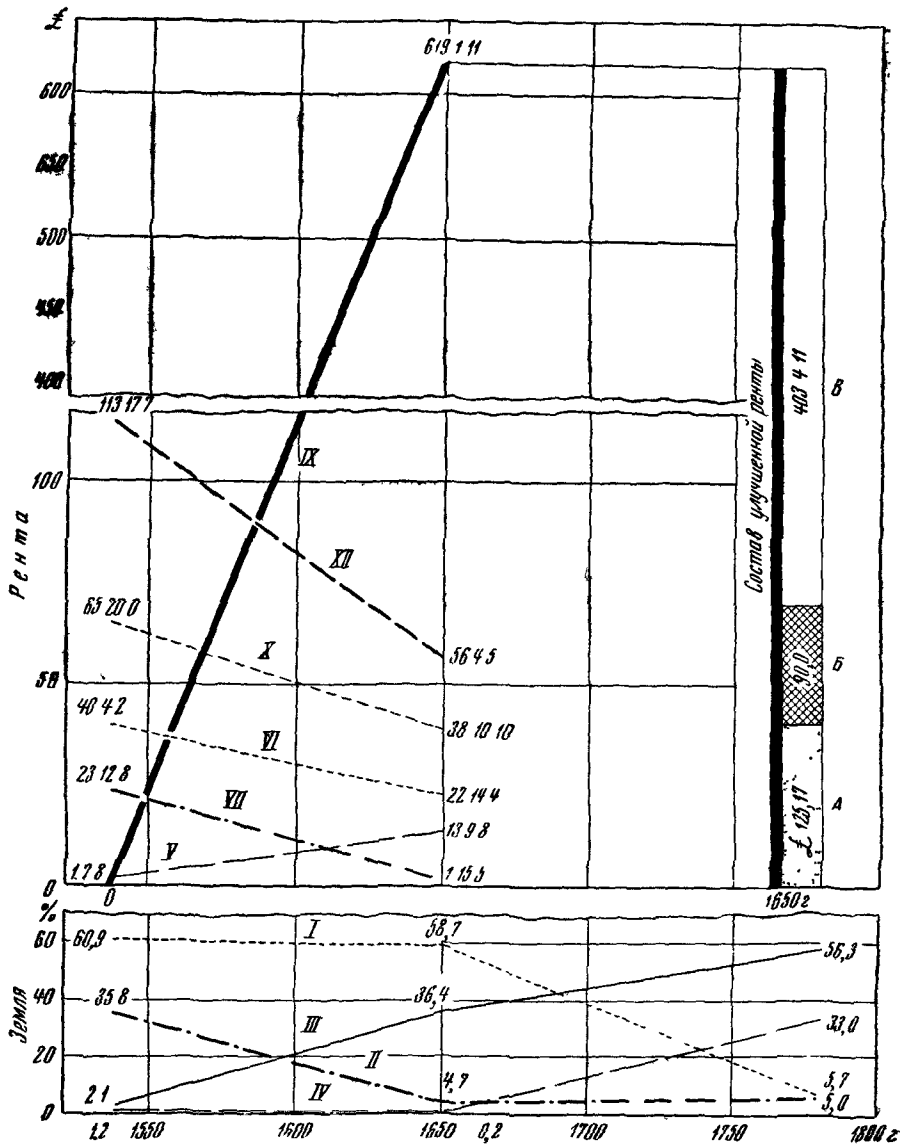

Диаграмма I

I — собственники крестьянского типа, II — землевладельцы обозначенные термином «мис-тер», III — землевладельческая знать и дворяне, IV — духовенство собственники десятины, V — обычная рента уплачиваемая духовными собственниками, VI — обычная рента собственников крестьянского типа, VII — обычная рента мис-теров и т. д., IX — улучшенная рента, X — сумма обычной ренты, XI — сумма доходов манора (ср. обозначения на диагр. II), А Б В — распределение улучшенной ренты между держателями различных классов — крестьянами, группой мис-теров и дворянами

Основные выводы диаграммы

Обычная рента превращается в капиталистическую с середины XVII в. Крестьянство почти исчезает к 80-м годам XVIII в. (приговор об огораживании Brampton, Hunts) Резкое сокращение, почти полное исчезновение собственников крестьянского типа в этом маноре (5,7% к концу XVIII в.) связано с последствиями победы улучшенной и капиталистической ренты.

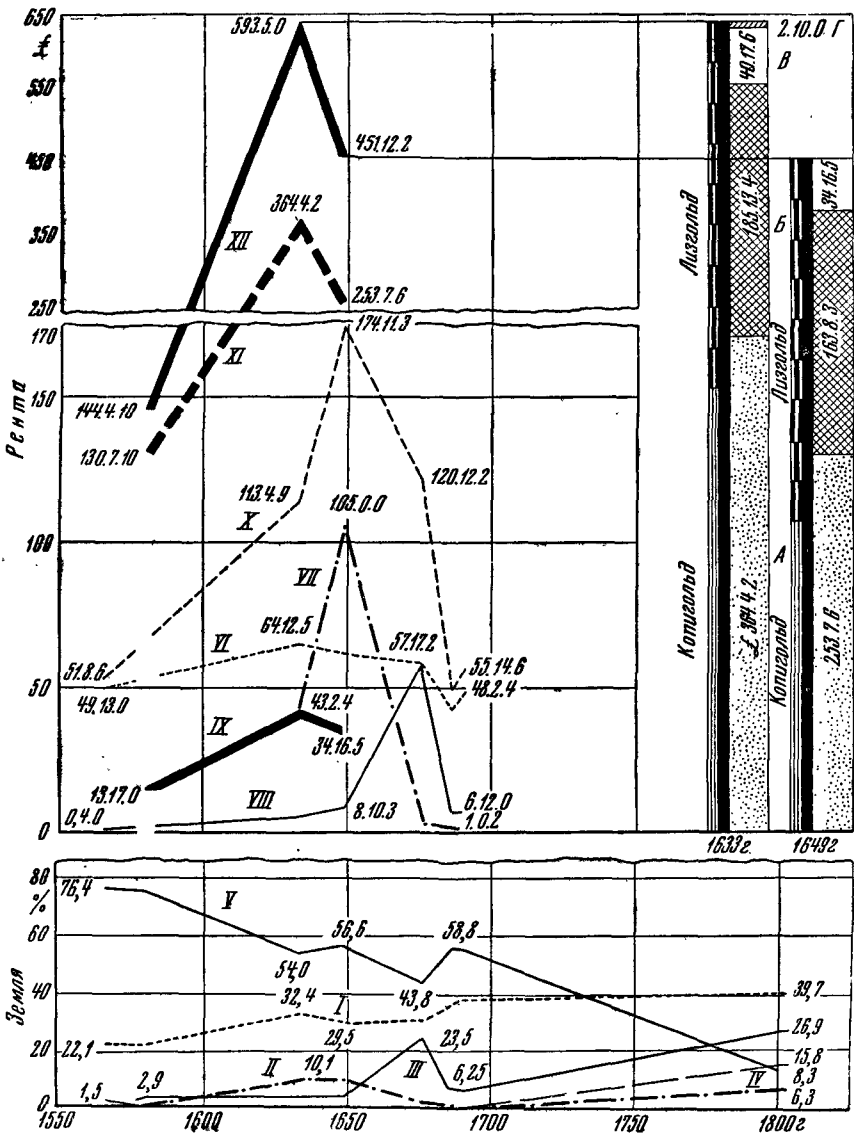

Диаграмма II

I — крестьянское землевладение; II — группа мистеров и т. д.; III — дворянское землевладение; IV — духовенство и собственники десятины; V — королевский домен; VI — рента, уплачиваемая собственниками крестьянского типа; VII — рента мистеров и т. д.; VIII — рента, уплачиваемая дворянами; IX — улучшенная рента, которую должны были вносить дворяне; X — общая сумма обычной ренты; XI — улучшенная крестьянская рента; XII — общая сумма улучшенной ренты.

Основные выводы диаграммы

Неудачные попытки перейти к капиталистической ренте в XVII в. и сохранение высокого процента крестьянского землевладения до начала XIX в. (приговор об огораживании Bagrow, Lincoln). Устойчивости и рост крестьянского землевладения в этом манере связаны с неудачей и кратковременностью попыток перейти в 30—40-х годах XVII в. к улучшенной и капиталистической ренте. Ренты вновь опускаются до уровня обычной. В аренде земли (см. правый угол диаграммы) принимают участие землевладельцы всех категорий, в том числе и крестьяне-капигольдеры.

капиталистической) и процессом обезземеления крестьянства — в неодинаковой степени выраженного — в упомянутых трех манорах. Диаграмма I позволяет весьма наглядно и выразительно иллюстрировать закономерную

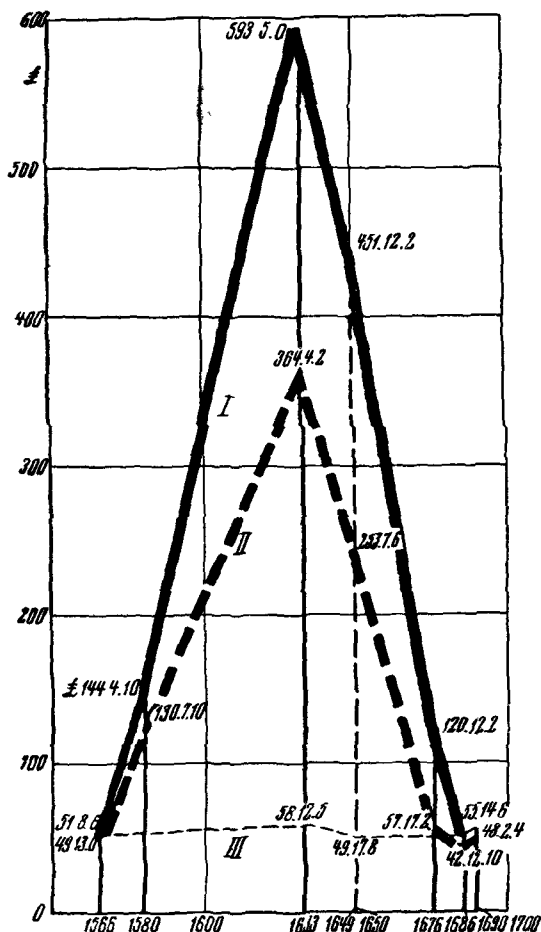

Диаграмма III

I — кривая улучшенной ренты, ее общая сумма и размеры (со всех категорий держателей); II — кривая улучшенной ренты, приходившейся на долю собственников крестьянского типа; III — обычная рента (со всех категорий держателей).

Основные выводы диаграммы

При относительной неподвижности обычной ренты с держателей (III) кривая «улучшенной» ренты за лизгольд и капиталистической ренты за лизгольд (I — их общая сумма) резко возрастает в период 1633—1649 гг. и вновь падает в следующие за революцией 40-х годов XVII в. десятилетия, к 80-м годам XVII в. вновь приближаясь к обычной ренте держателей. Кривая улучшенной крестьянской ренты, включавшей и ренту за лизгольд за землю, арендуемую собственниками крестьянского типа (II), обнаруживает ту же тенденцию.

та крестьянского землевладения и даже его повышению к началу XIX в. (Барроу). В третьем маноре — Бартон (см. диаграмму IV) — не было предпринято решительных попыток к «улучшению» ренты, которое нашло

ную связь между превращением форм обычной ренты, уплачиваемой различными категориями держателей, через «улучшенную» ренту в ренту капиталистическую — и резким сокращением процента крестьянского землевладения с конца XVI до конца XVIII в.: в маноре Брамpton капиталистическая рента победила, и крестьянство почти полностью исчезло к 80-м годам XVIII в.

Совсем иная картина в маноре Барроу (см. диаграммы II и III) — налицо несомненная закономерная связь между неудачными попытками «улучшить» ренту, предпринятыми в 30-х годах XVII в., перейти к ренте капиталистической — и сохранением высокого процента крестьянского землевладения до начала XIX в. «Улучшенная» рента вслед за буржуазной революцией 40-х годов XVII в. вновь опускается до уровня обычной, и в результате обнаруживается не падение, но довольно значительное повышение процента крестьянского землевладения к 1803 г. Итак, привлечение ренталей и описей конца XVI—XVII вв. в качестве источника — дополнительно к приговорам парламентского огораживания XVIII — начала XIX в. — позволяет не только ставить вопрос, но и наметить путь к его возможному разрешению: это вопрос о причинах наличия различных типов в эволюции поземельных отношений, которая могла привести или к радикальной экспроприации крестьянства (Брамpton), или к сохранению высокого процен-

бы отражение в наших источниках. Здесь, как мы знаем, сохраняется до конца XVIII в. процент крестьянского землевладения, близкий к среднему по всем 60 приходам и манорам. Закономерная связь между сохранением обычной ренты и незначительным понижением процента крестьянско-

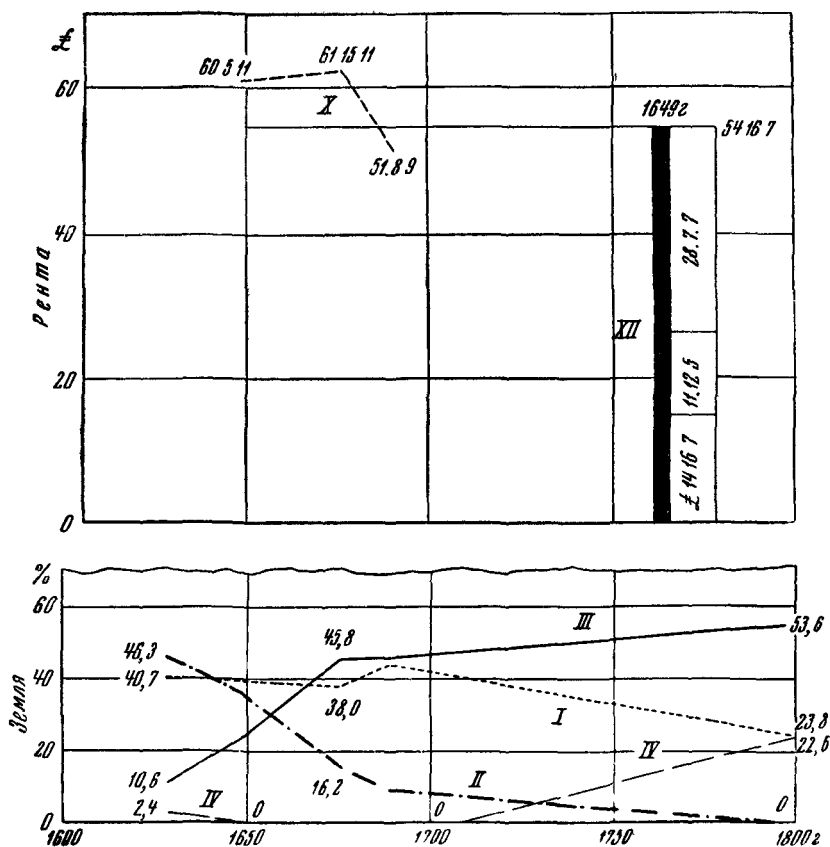

Диаграмма IV

- I — собственники крестьянского типа,
 II — группа мистеров и т. д.,
 III — корона, знать и дворяне;
 IV — духовенство и собственники десятины; X — сумма обычной ренты; XII — улучшенная рента

Основные выводы диаграммы

Рента в основном остается обычной, сохраняется средний процент крестьянского землевладения (приговор об огораживании Barton, Lincoln). Крестьянское землевладение остается в этом маноре достаточно устойчивым, несмотря на рост дворянского землевладения и коммутацию десятины (нижняя часть диаграммы), так как тенденция к улучшению рент и переходу к капиталистической аренде не были здесь ярко выражены.

го землевладения с конца XVI до конца XVIII в. представляется также очевидной, хотя и менее ярко выраженной, чем в других двух случаях; необходимо дальнейшее исследование документов манориальной истории этого манора с процентом крестьянского землевладения, близким к среднему: выяснение причин этого представляет несомненный интерес.

Необходимо оговориться, что рентали, описи и приговоры об огоражи-

вании, которые были предметом исследования и положены в основу приложенных к тексту диаграмм, пытающихся установить и иллюстрировать закономерную зависимость между эволюцией рентных платежей и сохранением большего или меньшего процента крестьянского землевладения, — это источник не только весьма важный, но и представляющий ряд серьезных трудностей для исследователя. Наибольшая трудность связана с неоднородностью содержащихся в них данных о размерах крестьянского землевладения или высоте рентных платежей: эти источники содержат данные то о размерах крестьянского землевладения, то о высоте обычной, «улучшенной» или капиталистической ренты. Иногда они содержат и те и другие сведения — и о земле, и о ренте. Путем тщательного анализа и сопоставления всех имеющихся в источниках данных о размерах землевладения и высоте ренты удалось выяснить степень возможного отношения рентных и земельных показателей, подвергнуть те и другие статистической обработке и вычислить «кривые» крестьянского землевладения, достаточно обоснованные и обладающие — по крайней мере для автора — большой внутренней убедительностью, позволяющие вскрыть объективные, закономерные тенденции в соотношении различных факторов земельных отношений в Англии изучаемого периода — хотя бы и на примере всего лишь трех маноров. Конечно, полученные выводы носят характер сугубо предварительный, гипотетический и поэтому требующий проверки на материале источников того же типа, но относящихся к ряду других маноров. Конечно, точности полученных результатов подсчетов и составленных на их основании диаграмм ни в коем случае не следует преувеличивать. Не склонен к этому и сам автор, который полностью может присоединиться к характеристике возможных результатов историко-статистического исследования, данной Е. А. Косминским в «Английской деревне»¹⁸. И все же, имея в виду задачи и приемы анализа ренталей и описей XVII в., приговоров парламентского огораживания XVIII — начала XIX в., мы должны признать, что тщательное (на первый взгляд мелочное и скрупулезное) выборочно-статистическое или монографически-статистическое исследование является единственно возможным путем к изучению данного типа источников. Нет и не может быть иного пути к освоению и использованию ценнейшего, богатейшего материала, в них содержащегося, чрезвычайно важного для понимания существа отраженных в них поземельных и рентных отношений в их взаимной функциональной связи и зависимости. Необходимо, однако, при этом избегать серьезной опасности — гипостазирования статистического «метода», его превращения из орудия, средства познания — в самоцель. Необходимо, напротив, согласование, подчинение приемов статистического анализа задачам и проблематике марксистско-ленинского исследования закономерностей аграрно-исторического развития. Чрезвычайно плодотворным и ценным в методологическом отношении было именно то, что результаты своего многолетнего исследования английской деревни XIII в. и статистического анализа

¹⁸ Определяя методiku статистических подсчетов материалов средневековых описей, Е. А. Косминский ссылается на А. Н. Савина, «мастерская работа» которого над *Valor Ecclesiasticus* послужила для него самого образцом: «... те, кто занимаются скучными подсчетами, стремятся только к вероятным и приблизительным выводам или к выяснению господствующей тенденции, но они не знают более короткого и надежного пути к своей цели, чем утомительный счет». См. Е. А. Косминский, *Английская деревня в XIII в. М. — Л., 1935*, стр. 63. Цифры дают в большинстве случаев неточный и условный ответ на те вопросы, которые мы ставим. Выводы носят условный характер, требуют проверки и подтверждения на другом материале. Там же, стр. 65. Точность подсчетов Е. А. Косминского подтверждена статистической обработкой того же источника — *Rotuli Hundredorum*, произведенной другим советским исследователем — М. А. Баргом.

Rotuli Hundredorum E. A. Косминский связал с большой теоретико-экономической проблемой смены форм феодальной ренты, переходом к последней денежной форме феодальной ренты и ее влиянием на расслоение английского крестьянства в XIII—XIV вв.¹⁹ Это дало ему возможность подвергнуть решительной критике работы всех тех исследователей, которые грешили неисторичным перенесением категорий капиталистического хозяйства на отношения феодальной эпохи²⁰. Английские историки нередко злоупотребляют русским термином «кулаки» (kulaks), применение которого не является оправданным не только для XIII—XIV вв., но и для XV в., как справедливо отмечает Е. А. Косминский²¹.

Термин «кулаки» принадлежит «иной эпохе», когда вступают в действие иные экономические законы — законы развития капитализма в земледелии. Результатом их действия и является то «раскрестьянивание» деревни, выражением которого является появление «новых типов» сельского населения, т. е. на одном полюсе — сельской буржуазии, зажиточного крестьянства, на другом полюсе — сельскохозяйственного пролетариата, класса наемных рабочих с наделом²².

Мы полагаем, что только по отношению к английской деревне XVI—XVIII вв. можно говорить не о простом имущественном неравенстве, но о дифференциации крестьянства в ленинском смысле этого термина: старое крестьянство не только «дифференцируется», оно совершенно разрушается, перестает существовать, вытесняемое новыми типами сельского населения, которые являются базисом общества с господствующим капиталистическим производством. Речь идет, таким образом, не об обезземелении крестьянства в целом, в чем Маркс видел основу «первоначального накопления», но и о классовой, капиталистической дифференциации крестьянства. Если еще при господстве денежной ренты, т. е. последней формы ренты феодальной, преобладавшей в английской деревне XIII в. (как это доказал Е. А. Косминский), расслоение крестьянства оказывается не только возможным, но и весьма ярко выраженным, то в XVI в., когда намечается переход к ренте капиталистической, — становится возможным дифференциация крестьянства, «раскрестьянивание» деревни. Дифференциация и обезземеление крестьянства являются конкретно-историческими проявлениями процесса развития капиталистических отношений, капиталистического способа производства в английской деревне — процесса, который находит свое классическое выражение в Англии в столетие, следующее за буржуазной революцией XVII в. Эти обобщающего характера положения могут быть проверены и иллюстрированы результатами конкретно-исторического анализа манора Brampton, Hunts с XI по XVI в., произведенного Е. А. Косминским и автором этих строк — с XVI по XVIII в.²³. О чем говорят результаты этого анализа? Во-первых, об

¹⁹ От анализа «Английской деревни в XIII в.» и от «Исследований по аграрной истории Англии XIII в.» (1947) Е. А. Косминским был намечен и частично продолжен путь к изучению поземельных и рентных отношений XIV—XV вв. См. Е. А. Косминский, Эволюция форм феодальной ренты в Англии XI—XV вв. «Вопросы истории», 1955, № 2; «Past and Present», 1955.

²⁰ Начиная с Граната, пытавшегося доказать в своей книге «К вопросу об обезземелении крестьянства в Англии» (1908) исконность капитализма и дифференциации английского крестьянства, до проф. Постэна (М. М. Postan), который считает феодальную вотчину (манор) «капиталистическим» или «quasi-капиталистическим» предприятием.

²¹ Е. А. Косминский, Эволюция форм феодальной ренты в Англии в XI—XV вв. «Вопросы истории», 1955, № 2, стр. 55.

²² См. В. И. Ленин, Соч., т. 3, стр. 142, 144—145

²³ Е. А. Косминский и В. М. Лавровский, История манора Брамптона в XI—XVIII вв. Сб. «Средние века», вып. II, 1946.

исключительной живучести феодальных отношений на старинном домене: в 30-х годах XVI в. *bondi socomanni* еще не превратились в Брамптоне в копигольдеров. Во-вторых, о значительном расслоении крестьянства, несмотря на устойчивость, почти неподвижность обычных рент. Несомненный факт образования верхушки деревни — крепкого крестьянства — держателей более одной виргаты (20—40 акр. и выше), отмеченный Е. А. Косминским. Но аграрной революции XVI в. Брамптон еще не пережил. Отношения, господствовавшие в Брамптоне XVI в., напоминают скорее XV век. Когда же произошла в этом маноре аграрная революция? Какой характер носит дифференциация крестьянства, и когда завершается процесс радикальной экспроприации брамптонского крестьянства? Манориальные описи XVI—XVII вв. и приговор об огораживании манора Брамптон (1870 г.) позволяют наметить возможное разрешение этих вопросов, подойти к выяснению причин обезземеления крестьянства в этом маноре. Диаграмма I, составленная на основании статистического анализа манориальных описей и приговора об огораживании в Брамптоне, позволяет установить, что процент крестьянского землевладения, достаточно устойчивого в XVI — первой половине XVII в., — решительно сокращается в период 1650—1780 гг. К 80-м годам XVIII в. в Брамптоне налицо факт ярко выраженной земельной монополии крупных землевладельцев (знать, дворяне, импроприаторы церковной десятины) и обезземеления крестьянства, сохранившего лишь 5,7% общей площади земли, подвергшейся парламентскому огораживанию. Диаграммы I—III также позволяют отчетливо установить функциональную зависимость между переходом от обычной ренты к «улучшенной» и капиталистической и резким падением процента крестьянского землевладения после буржуазной революции (в период 1650—1680 гг.). Изученные источники позволяют выяснить характер дифференциации брамптонского крестьянства и изменения удельного веса его различных групп на протяжении изучаемого нами периода: резкое сокращение общей площади крестьянского землевладения в этом маноре сопровождается исчезновением к концу XVIII в. крупных крестьян, падением удельного веса середняков и сосредоточением в руках мелкого и беднейшего крестьянства 77% общей площади крестьянского землевладения в Брамптоне²⁴.

Существенно иной характер носит процесс частичного обезземеления крестьянства в маноре Barton, Lincoln, для которого мы располагаем рядом описей XVII в. и приговором парламентского огораживания 1797 г. Крестьянское землевладение в этом маноре обнаруживает значительную устойчивость на протяжении всего XVII в. и сокращается почти вдвое к концу XVIII в., когда процент крестьянского землевладения падает до 23,8% и становится весьма близким к среднему проценту крестьянского землевладения (22,5%), вычисленному на основании приговоров об огораживании шестидесяти приходов и маноров (для периода 1793—1815 гг.) (см. диаграмму IV).

Какой характер носит дифференциация крестьянства в маноре Бартон с процентом крестьянского землевладения, близким к среднему по всем изученным манорам? В 30-х годах XVII в., накануне буржуазной революции, в Бартоне полностью преобладали крупные крестьяне. Средняки, мелкие и беднейшие крестьяне почти отсутствуют в этом маноре. Совсем иную картину наблюдаем мы в описи 1649—1650 гг. и ренталях 1676—

²⁴ См. нашу статью «К вопросу о дифференциации английского крестьянства...» в Сб. «Средние века», вып. VIII, стр. 355, табл. II.

1690 г. Процент землевладения крупных крестьян стремительно падает в десятилетия, следующие за буржуазной революцией 40-х годов XVII в.

На первое место теперь выходят мелкие крестьяне и середняки (около 80% общей площади крестьянского землевладения). Лишь к концу XVIII в. (1797 г. — дата приговора об огораживании) — «кулаки» вновь на первом месте, но все же их удельный вес в крестьянском землевладении меньше, чем группы середняков и мелких крестьян, вместе взятые ²⁵.

С чем связана относительная устойчивость крестьянского землевладения в Бартоне до конца XVIII в. и значение середняков и мелких крестьян в этом маноре? По-видимому, отчасти это объясняется тем, что в XVII в. здесь не было предпринято попыток «улучшить» ренту и перейти решительным образом к системе капиталистической аренды — в отличие от Брамптона.

Наконец, манор Bagrow, Lincoln. Для этого манора мы располагаем наибольшим числом ренталей и описей XVI—XVII вв. и приговором об огораживании 1803 г., согласно которому здесь сохранилось до 40% (39,7%) крестьянского землевладения. Крестьянское землевладение обнаруживает здесь определенную тенденцию к росту с 1565 до 1803 г. Наоборот, землевладение короны и дворян решительно сокращается за тот же период. Развитие арендных отношений на домене, наблюдавшееся в 30—70-х годах XVII в., и попытки перейти к «улучшенной» и капиталистической ренте в Барроу оказались сравнительно кратковременными и в XVII в. — неудачными. Перед нами одно из условий укрепления и роста процента крестьянского землевладения в маноре (см. диаграммы II и III).

Как обстоит дело с дифференциацией крестьянства в ланкоширском маноре Барроу? Рентали и описи XVI—XVII вв. дают картину весьма сложную ²⁶. Однако основные тенденции в соотношении различных групп крестьянства — крупного, среднего, мелкого и беднейшего — в предреволюционные и послереволюционные десятилетия выступают в достаточной мере отчетливо: в период 1565—1633 гг. преобладает крупное крестьянство (до 63—70% общей площади крестьянского землевладения). Это соотношение решительно изменяется в период 1649—1686 гг.: крупное крестьянство стремительно падает и исчезает в манориальных описях и ренталах этих десятилетий, вновь появляясь лишь в приговоре об огораживании 1803 г. Наоборот, средние и мелкие крестьяне в ренталах 70—80-х годах XVII в. выходят на первые места и полностью преобладают в маноре Барроу. В XVIII в. удельный вес этих двух групп снова падает, и все же, согласно приговору об огораживании, середняки и мелкие крестьяне сохраняют за собой до 69,7% общей площади крестьянского землевладения, т. е. преобладают в маноре Барроу к началу XIX в.

Анализ манориальных описей, ренталей и приговоров об огораживании упомянутых трех маноров позволяет, как мы думаем, сделать следующие выводы. Во-первых, становится очевидным, что история крестьянства в целом и изменение удельного веса (процент землевладения) отдельных групп, входящих в состав крестьянства, не совпадают. Процентное соотношение крупных, средних, мелких и беднейших крестьян — весьма различно накануне революции 40-х годов XVII в., в период самой революции и в следующее за нею столетие. Во-вторых, становится совершенно ясным, что революционный период и следующие за ним десятилетия отмечены чрезвычайно важными переменами в распределении земельной собственности между различными классами землевладельцев и различными групп-

²⁵ См. там же, стр. 358, табл. III.

²⁶ См. там же, стр. 360, табл. IV.

удивлять. Расслоение низового сельского духовенства, проанализированное Энгельсом для времени Великой крестьянской войны, происходило на всех этапах феодальных порядков, обнаружилось оно и в 1789—1790 гг. Этот процесс породил и трагическую фигуру Мелье, он порождал и эпизодических попутчиков крестьян. Слишком широкое обобщение здесь было бы неправомерным (и вероятнее всего, что реально часть пастырей совсем иначе отнеслась к революционной практике своих прихожан). Но и обобщение, вылившееся из-под быстрого пера Вольтера²⁴, во всяком случае оказалось слишком нереалистическим, и можно полагать, что и это обстоятельство в какой-то мере подрывало привлекательность «Диатрибы к автору „Эфемерид“»²⁵. Да и адресат ее в свою очередь именно в дни «Мучной войны» нанес ущерб своему авторитету тем, что представил королю доклад, в котором содержались неподтвержденные обвинения Сартина в содействии организации беспорядков²⁶.

²⁴ В письме к своему лучшему другу уже 1 июля (№ 9414) Вольтер называет «Диатрибу» всего лишь шуткой и признается, что ему очень стыдно, что он забавлялся по поводу столь серьезного дела. Впрочем, эта перемена вызвана тем, что он прочел «Письма» Тюрго о хлебной торговле («Lettres sur les grains, écrites à M. l'abbé Terray», 1775), глубоко его взволновавшие (см. *Voltaire. Oeuvres complètes*, vol. 49, p. 37; там же новые восторженные похвалы Тюрго).

²⁵ Нельзя упускать из виду, что запрещения цензурного порядка обрушились на «Диатрибу» еще при всесии Тюрго; если учесть обстановку в летние месяцы 1775 г., то придется признать, что Тюрго был озабочен не только тем, чтобы устранить непочтительные выражения о предках короля в недели, ближайšie к его коронации, но и такими упоминаниями о духовенстве, которые слишком легко было использовать ему во вред.

²⁶ К моменту печатания настоящего сборника безусловно необходимы следующие дополнительные справки.

Ж. Рюде опубликовал очень содержательную сводку о Мучной войне (G. R u d é. *La taxation populaire de mai 1775 à Paris et dans la région parisienne*. «Annales historiques de la Révolution française», avr.—juin 1956); в частности там уточнена и топография крестьянских волнений (ср. выше, стр. 141). Примеры же, приводимые нами на стр. 145, восполняются, кроме названной в сноске 19 статьи Р. Кобба, еще в двух работах: R. C. C o b b et G. R u d é. *Les journées de germinal et de prairial an III* («Revue historique», oct.—déc. 1955, 250—281) и R. C. C o b b. *Politique et subsistances en l'an III. L'exemple de Havre* («Annales de Normandie», 5e Année, № 2, 1955, 135—159).

Тематически связанные материалы

Г.Быков. Английский рабочий класс во второй половине XVIII в. и в первой половине XIX в.

Дж.Рюде. Народные низы в истории. Англия в 18 в.

Переход к промышленному обществу. Промышленная Британия

Ф.Потемкин. Промышленная революция во Франции.

Т.І. От мануфактуры к фабрике.

Т.ІІ. Положение трудящихся масс и социальные движения

М.Блок. Характерные черты французской аграрной истории

К.Женден. Земельная рента во Франции

от конца Старого порядка до Первой империи